

Спеціальний номеръ

„О ЖИВОТНЫХЪ“.

306
1918
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 16

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 1 р. 25 к. и на ст. ж. д. 1 р. 40 к.

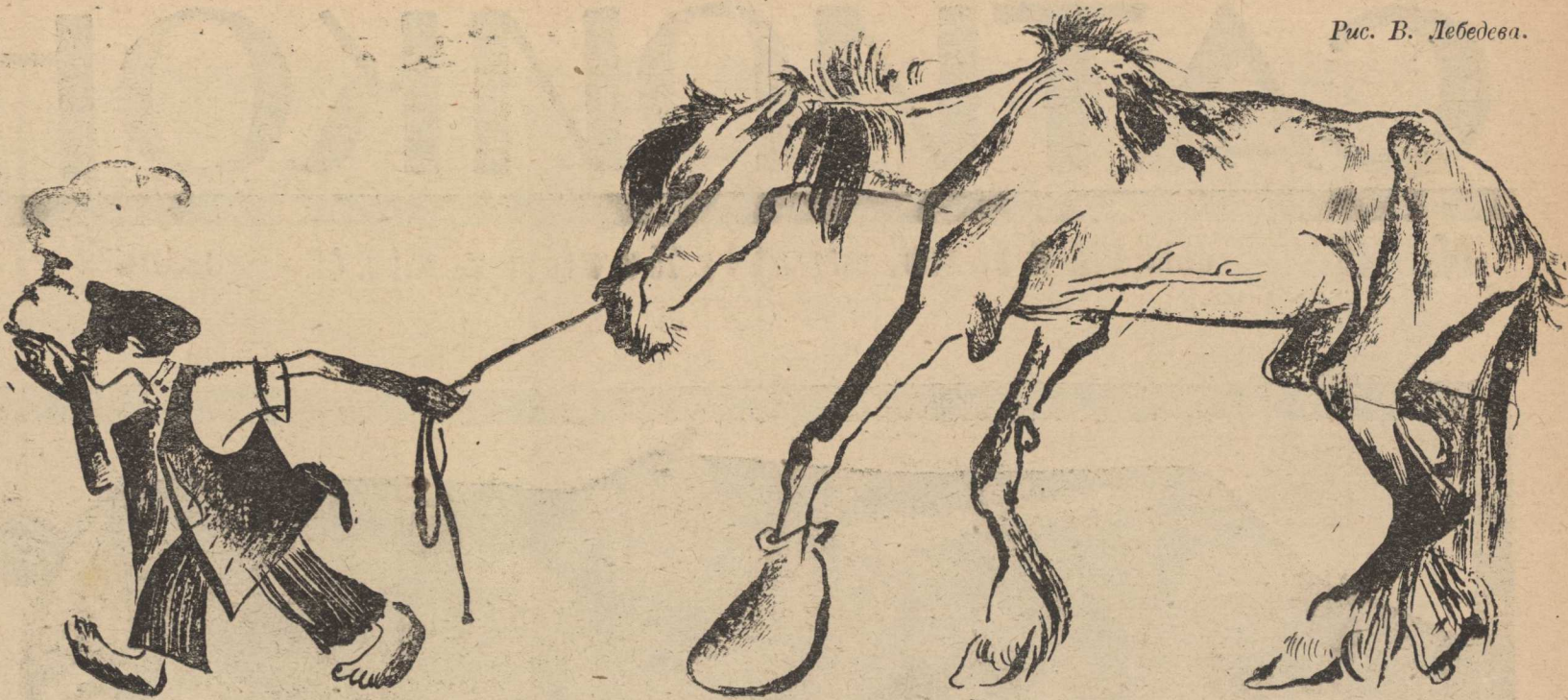
Юль 1918

Ил. А. Ракова.

ВЪРНОЕ СРЕДСТВО.

Нѣмецъ. Вотъ мы и сдѣлали такъ, что орель не съѣсть медвѣдя,—орлы не ѣдятъ мертвецовъ.

„Развѣ, на путяхъ Бытія, человекъ не всегда идетъ впереди животнаго?“

Ницше.

БѢДНѢЙШІЙ И ГРЯЗНѢЙШІЙ.

Басня.

Однажды царь царей—мудрѣйшій Левъ,
Почувъв близкую свою кончину,
Рѣшилъ созвать звѣрье по старшинству и чину,
Переложивъ на милость свой недавній гнѣвъ

Во всѣ лѣса разосланы гонцы—
Гиены, волки, рыси и шакалы,
Зашевелились сонные кварталы,
Изъ норъ повылѣзли и самки и самцы.

А къ отставнымъ звѣрямъ, на скотные дворы
Глашатаемъ былъ посланъ старый боровъ,
Хоть былъ онъ дикъ, но сторонился споровъ,
Любя семью хавроньюшки-сестры...

Пришелъ къ двору встревоженный народъ:
„Зачѣмъ призвалъ насъ, праведный владыка“?...
Тутъ царскій ревъ покрылъ долину крика,
И царь царей самъ выступилъ впередъ...

„Готовъ я власть отдать, не знаю лишь кому,
„Я слишкомъ старъ и опасаюсь краха,
„Мой давить черепъ шапка Мономаха,
„Смѣню я жезлъ съ восторгомъ на суму“.

Тутъ вылѣзла лиса и, повертѣвъ хвостомъ,
Умильно глянула на царскіе чертоги.

„Клянусь я честію, и въ томъ порукой боги,
„Я съѣсть не прочь на тронѣ золотомъ“.

„Я представляю разумъ всей страны,
„Я силъ живыхъ излюбленная сила,
„Я всѣхъ звѣрей искусствомъ побѣдила
„Сразивши хитростью безъ крови и войны“...

„Долой“, вскричала сотня жеребятъ—
Нелѣпый и смѣшной, взѣрошенный народецъ,
Всѣхъ впереди шель тощій иноходецъ,
И, сдѣлавъ шагъ впередъ, вновь пятился назадъ.

„Мы можемъ отъ царя принять немедля власть,
„Мы будемъ все рѣшать коллегіально,
„Всѣмъ табуномъ изучимъ досконально
„Науку править и поправимъ всласть“!..

Пока владыка на густой травѣ
Оцѣнивалъ звѣрей кандидатуру,
Узрѣли всѣ внезапную фигуру,
Хватившую царя дубьемъ по головѣ.

Убийца былъ не буйволъ, не шакалъ,
Сказать по правдѣ—даже не тигренокъ,
А просто неумытой поросенокъ,
Изрядный плутъ, лгунишка и нахаль.

Предъ носомъ всей толпы, взмахнувъ жезломъ,
Взобравшись черезъ трупъ на тронъ святѣйшій
Сказалъ сей царь: Бѣднѣйшій и Грязнѣйшій
Отнынѣ правитъ тигромъ и осломъ!..

Изъ басни сей—одно нравоученье—
Пойми въ чемъ истина, и въ чемъ спасенье...
Знакомымъ передай тихонько, по секрету
Не то ты канешь. Куда? Конечно въ Лету...

Александръ Флитъ.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

Жила была лошадь. Была она неграмотная, довольно недалеко и ничего не понимала въ международной политикѣ.

Однажды ей предложили поѣхать въ качествѣ посла въ одно изъ нейтральныхъ государствъ.

— А я не поѣду—сказала лошадь—ничего я въ этихъ дѣлахъ не понимаю.

И не поѣхала.

Человѣкъ-бы этого не сдѣлалъ.

* * *

Сошлись на опушкѣ лѣса два зайца. Одинъ питался по первой категоріи, а другой по третьей.

— Моя категорія лучше—сказалъ первый заяцъ—цѣльныхъ полфунта въ день.

— Нѣтъ моя лучше. Одна восьмая не отягощаетъ желудка—отвѣтилъ другой.

Оба зайца были косыми, безхвостыми дураками. Они не понимали, что лучше всего была та категорія, по которой ихъ обѣихъ черезъ день съѣлъ одинъ незнакомый волкъ.

* * *

Одинъ старый носорогъ написалъ очень много разсказовъ о молодыхъ барсукахъ, въ которыхъ говорилъ, что когда барсуки подростутъ ихъ надо сытно кормить.

Читатель! Смотри важное для тебя сообщеніе на 15 страницѣ.

Барсуки подросли и съели старого носорога.
Когда носорожика пошла жаловаться бывшему приставу
изъ кабановъ, тотъ отвѣтилъ сухо:

— Мужъ вашъ больше всего виноватъ. Самъ же выра-
боталъ для нихъ меню перваго сытнаго обѣда.
У людей это бываетъ тоже.

* * *

— А какъ тебя звать, добрый молодецъ — спросилъ
одинъ слоненокъ рыжаго буйвола.

— Петькой—отвѣчалъ буйволъ.—А тебя?

— Егоромъ.

Такъ какъ у обоихъ оказались имена, они назвали
себя именитыми гражданами и стали вершить государст-
венныя дѣла и прежде всего повѣсили жираффа, который
не нравился имъ длинной своей шеей. Жираффъ былъ
удивленъ и опечаленъ.

У людей это бываетъ тоже.

* * *

Въ одномъ царствѣ, тридевятомъ государствѣ, за ост-
ровомъ Окіяномъ, жилъ хорекъ по имени Евсѣй Петро-
вичъ, а фамиліи у него не было.

У людей этого не бываетъ. Каждый хорекъ имѣетъ
не только фамилію, но еще и десять псевдонимовъ.

Л. Аркадовій.

КСТАТИ О ЛОШАДЯХЪ.

(Изъ мыслей человѣка съ хорошимя обояніемъ).

Я сегодня—не въ духѣ,
Грустенъ паки и паки:
Каждый мигъ—зрѣютъ слухи!
Каждый день—репримандъ!—
Тамъ, оружемъ сверкая,
Бьются чехо-словаки!
Тамъ—Мурманъ „не въ порядкѣ“!
Тамъ—японскій десантъ!..

* * *

Севастополь—подъ нѣмцемъ,
Флотъ—въ Маркизовой лужѣ...
Гдѣ страны безмятежной
Необъятная ширь?
Съ каждымъ часомъ Россія
Все короче, все уже...
„Плачешь“ матушка—Волга,
Ускользаетъ Сибирь!..

* * *

И цвѣтутъ пышнымъ цвѣтомъ
Лишь декреты въ Коммунѣ...
Петербургъ сталъ „деревней“,
А столицей—Москва!

И, читая газеты,
Распускаю я нюни:
Въ революціи счастье
Вѣрю,—каюсь,—едва

* * *

Мнѣ платформа Коммуны
Представляется—шаткой;
И хоть блага желаю
Я родимой странѣ,
Только чувствую ясно:
Пахнетъ бѣлой лошадкой!
Это гъ запахъ ужасный
Часто чудится мнѣ...
* * *

Хоть его заглушаю
Я съ терпѣньемъ, украдкой
Воздухъ чистя духами
Отъ зари до зари,—
Все же—пахнетъ лошадкой,
Сильно пахнетъ лошадкой,
Пахнетъ бѣлой лошадкой,
Чертъ ее подери!!!

Старый драбантъ.

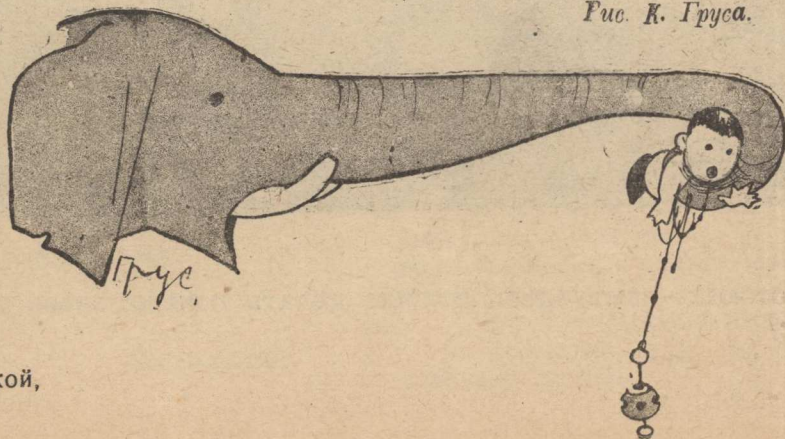

Рис. К. Грусса.

ЧЕЛОВѢКЪ — НЕ СВИНЬЯ.

(Парадоксы).

Свинья, которую вы рискнули бы посадить на ось-
мушку—демонстративно подохла бы. А человѣкъ демон-
стративно живетъ. Ищетъ мѣшечниковъ, наполняетъ же-
лудокъ чаемъ, суррогатами хлѣба, лепешками съ примѣсью
навоза и живетъ на зло всякимъ Управамъ, всякимъ про-
граммамъ и категоріямъ.

Человѣкъ, homo sapiens, двуногое существо, имѣющее
привычки, заимствованныя отъ животныхъ—само не жи-
вотное, ибо даже такія животныя, какъ быкъ или осель,
отказываются приспособляться и противятся чужой волѣ.

А человѣкъ великолѣпно приспособляется ко всѣмъ
широтамъ и долготамъ, ко всѣмъ теченіямъ, какъ въ воз-
духѣ, такъ и на землѣ.

Человѣкъ, созданный по образу и подобию Божьему,
отъ долгой жизни на землѣ оскотинѣлся, сталъ существомъ
болѣе низкой формации, чѣмъ былъ. Человѣкъ отдалился
и отъ образа и отъ подобія Божьяго. Вы навѣрное замѣ-
тили, что все меньше и меньше стало на землѣ идеали-
стовъ. Среди животныхъ нѣтъ идеалистовъ.

Если вы, не отходя отъ того мѣста, гдѣ сейчасъ чи-
таете эти строки переберете въ памяти вашихъ друзей и
знакомыхъ, то вы найдете, что они купно создали бы
славу любому зоологическому саду, до нихъ лишенному
полноты коллекціи разновидностей животнаго царства.

Смѣлѣй перебирайте: развѣ Иванъ Петровичъ не пѣ-
тухъ, разгуливающей среди обитательницъ своего гарема?
Развѣ Дмитрій Сергѣевичъ не упрямя, какъ осель? Развѣ
Герасимъ Львовичъ не тщеславенъ, какъ павлинъ и тупъ,
какъ быкъ?..

Да и мы съ вами кое-чѣмъ напоминаемъ кого-либо
изъ животнаго царства! Что касается меня, то въ этомъ
нѣтъ ничего удивительнаго: съ волками жить—по волчьи
выть.

Воемъ!.. Ахъ, какъ мы порой воемъ: за человѣка
страшно.

И какъ часто мы даже жалѣемъ о томъ, что мы еще
не совсѣмъ озвѣрѣли... Какъ часто хочется имѣть люто-
сть тигра, чтобы однимъ ударомъ положить врага, силу мед-
вѣдья, чтобы сломить его, хитрость лисы, чтобы обойти
его...

Но мы звѣрѣемъ, мы приближаемся къ четвероногимъ
и недалекъ день, когда мы зарычимъ, залаемъ, начнемъ
царапаться, кусаться, лягаться... Улицы и дома огласятся
дикимъ ревомъ, рычаніемъ... Мы вцѣпимся другъ другу въ
глотку, въ волоса, будемъ отдиравать куски живого мяса,
ломать кости, пить кровь...

У старыхъ писателей въ такихъ случаяхъ выпадало
перо... моя рука крѣпче и я не буду ждать, пока перо
выпадетъ, я отложу его въ сторону и возьму въ руки
дубину!..

Товарищъ редакторъ, береги свои кости!

Исидоръ Гуревичъ.

У МѢНЬЕ ОТВѢТИТЬ.

Въ кухмистерской.
— Послушайте! Что эти
котлеты изъ конскаго мяса,
я ничего не имѣю, но по-
чему онѣ такіе маленькіе?
— Очень просто: они
сдѣланы изъ пони.

ОБЕЗПЕЧЕННЫЙ КЛАССЪ

Замѣчательно, что на
биржѣ труда можно встрѣ-
тить безработныхъ всѣхъ
профессій, кромѣ одной:

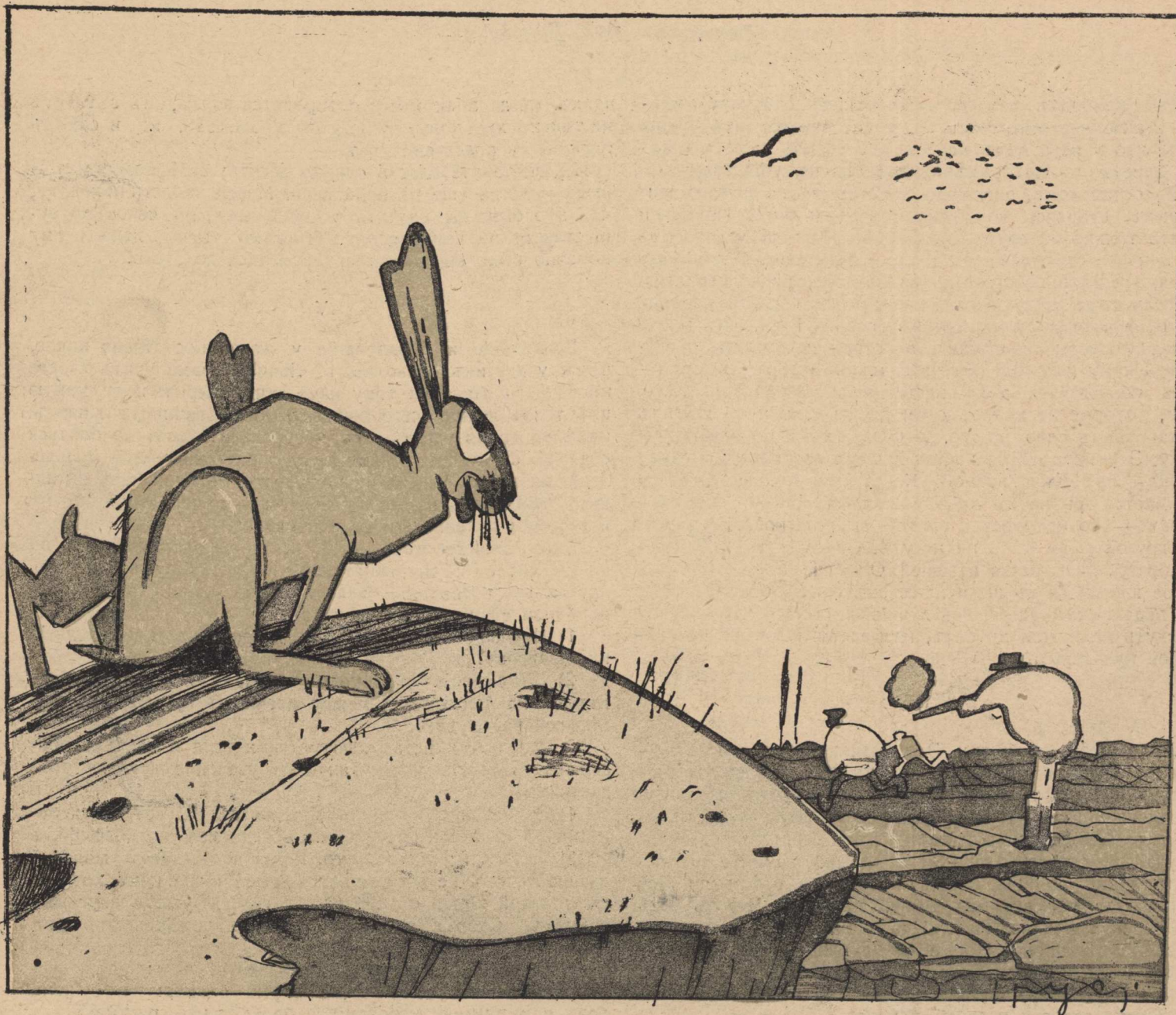
— Гробовщиковъ и мо-
ильщиковъ.

ОПАСНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ.

Рис. В. Лебедева.

Гиена: — Пойдемъ отсюда—намъ здѣсь больше дѣлать нечего: здѣсь уже были люди.

Заяцъ: — А все-таки мы въ лучшемъ положеніи: для насъ установлено не—охотничье время, когда насъ нельзя стрѣлять... Люди пока еще лишены такой привиллегіи.

П Р О Т И В Ъ Н О В А Г О В Р Е М Е Н И.

Я любовью къ революціи согрѣтъ,
 Помня о самодержавія бремени;
 Только мнѣ не нравится декретъ
 О новомъ времени.
 Пусть мой поступокъ—нелѣпъ,
 Но я пойду въ Совдепъ
 И скажу:—„Новое Время“ достаточно опозорено
 И по достоинству оцѣнено:
 Вспомните Суворина!
 Вспомните Буренина!!!
 Вашъ декретъ точно ударилъ меня обухомъ по темени!
 Я, вообще сторонникъ многихъ вашихъ мѣръ,
 Но я—честный, старый революціонеръ
 И—не желаю жить по „Новому Времени“!.

Дарвалдай.

С Л О М Я Г О Л О В У.

Раньше о государственныхъ людяхъ историки выражались истово и спокойно:
 — Онъ вошелъ въ исторію.
 Теперь, когда все дѣлается скорѣе, о нынѣшнихъ революціонныхъ государственныхъ людяхъ будутъ писать:
 — Онъ влетѣлъ въ исторію.

К Л А Д Ъ.

— Что за свинство! Вы берете за фунтъ хлѣба пять рублей, а я въ немъ нашель гвоздь!
 — Какъ?! Настоящіе желѣзный гвоздь? Въ такомъ случаѣ верните мнѣ этотъ хлѣбъ съ гвоздемъ и я вамъ заплачу 10 рублей.

РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ.

Проходя по темной улицѣ, милиціонеръ увидѣлъ двухъ людей, сидящихъ верхомъ на третьемъ. Одинъ изъ сидящихъ вынималъ у лежащаго часы, другой сдавливалъ лежащему горло.
 — Это что такое?—воскликнулъ грозно милиціонеръ.
 — Додушеніе буржуазіи,—съ благородной простотой отвѣчали сидящіе.

НЕИЗДАННЫЙ БРЭМЪ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Изъ наиболѣе вредныхъ животныхъ слѣдуетъ отмѣтить такъ наз.—человѣка. Онъ отличается отъ слона тѣмъ, что у него нѣтъ хобота, за то онъ умѣетъ издавать газеты, въ которыхъ призываетъ къ убійствамъ.

Въ остальномъ, онъ мало отличается отъ другихъ животныхъ, стараясь во всемъ подражать имъ. Привычка ходить только на двухъ лапахъ образовалась у него отъ постоянного стремленія оставить двѣ остальные лапы для драки, кражъ и пожиманья протянутыхъ рукъ мерзавца.

Люди тоже живутъ стадами. Большую часть времени они проводятъ въ грызнѣ между собой. Если есть много свободного времени, старшіе въ стадѣ начинаютъ придумывать кому изъ сосѣдняго лѣса можно перегрызть горло—тогда объявляется такъ называемая мобилизація т. е. люди, которые не хотятъ сами грызться, тянутъ другихъ за хвосты въ одно мѣсто, откуда ихъ и посылаютъ на драку. Это называется національнымъ подъемомъ, а самая грызня—священной войной. Когда отъ грусти и голода начинается грызня въ собственныхъ берлогахъ, норахъ и дуплахъ—это называется войной гражданской. Безъ той, или другой люди жить не могутъ. Описаніе всѣхъ этихъ безобразій называется исторіей. Описаніе какимъ—зубомъ лучше впиваться въ шею, какъ выкусывать бока у сосѣда, или подъ какимъ деревомъ лучше притаиться, чтобы сразу прыгнуть на чужой хребетъ, называется исторіей человѣческой культуры.

II.

Люди живутъ семьями. Это значитъ, что человѣкъ—самецъ, увидѣвъ человѣка—самку, бѣжитъ справляться сможетъ ли онъ утянуть отъ нея родныхъ что-нибудь существенное. Если да—онъ начинаетъ дѣлать глупости, въ результатѣ которыхъ вырывается новая берлога для двоихъ, откуда—до сосѣдей уже черезъ три дня начинаетъ доноситься глухое рычаніе, визгъ и призывы о помощи. Всѣ понимаютъ, что семейная жизнь началась. Черезъ годъ изъ берлоги начинаютъ выбѣгать маленькіе рахитичные звѣреныши, сопровождаемые безнадежнымъ ворчаніемъ и криками тоски. Звѣреныши растутъ около берлоги, требуя пищи и расходовъ. Потомъ бѣгаютъ по сосѣднимъ норамъ и говорятъ гадости о своей берлогѣ.

Въ самой берлогѣ становится тише и спокойнѣе. По ночамъ, самецъ осторожно выглядываетъ, тихо выпрыгиваетъ на волю и убѣгаетъ куда-нибудь, осторожно возвращаясь къ дому. Во время его отсутствія около берлоги появляется другой самецъ и, осмотрѣвшись кругомъ, ныряетъ въ берлогу, поставивъ хвостъ трубой. Утромъ онъ вылѣзаетъ, уныло смотритъ на солнце и зѣваетъ такъ долго, что мелкія птицы успѣваютъ свить у него въ пасти большія прочныя гнѣзда.

Это называется у людей семейной жизнью.

III.

Общественная жизнь у людей построена по принципу чередованія власти, причемъ установлена правильная очередь между осами и волками. Ни львы, ни лисы, ни коровы къ власти не допускаются.

Когда у власти одинъ изъ волковъ, онъ медленно но вѣрно поѣдаетъ ближайшихъ подданныхъ, представивъ выполнить эту задачу по отношенію къ наиболѣе отдаленнымъ изъ подданныхъ своимъ родственникамъ изъ другихъ волчьихъ семей. Подданные настолько къ этому привыкаютъ, что быстро привязываются къ волкамъ и только просятъ, чтобы тѣ не очень страшно щелкали зубами. Когда какой-нибудь барсукъ убѣжитъ съ полуободраннымъ бокомъ, волки очень обижаются и считаютъ это нарушеніемъ основныхъ законовъ. Жалобамъ зайцевъ по поводу выѣденныхъ семействъ не придается никакого значенія, а въ особо экстренныхъ случаяхъ съѣдаются и сами жалобщики.

Когда правитъ осель—настроеніе лучше, но подданные убываютъ съ такой-же быстротой. Осель довольно конфузливъ и не ставитъ вездѣ своихъ родственниковъ, а раздаетъ посты случайнымъ знакомымъ. Въ этихъ слу-

чаяхъ, когда знакомымъ оказывается волкъ, онъ съѣдаетъ не только хорьковъ, куницъ и кроликовъ, но и самихъ ослинныхъ родственниковъ.

Предоставить власть одному десятку себѣ подобныхъ—люди никогда еще не пробовали. Многіе зоологи находятъ, что это было бы самымъ правильнымъ, но человѣкъ существуетъ на землѣ всего нѣсколько тысячъ лѣтъ и ему конечно было еще некогда додуматься до этого.

IV.

Воспитаніе и образованіе у людей поставлено иначе, чѣмъ у другихъ животныхъ. Львиная мама учитъ своего косолапаго первенца тому, какъ лучше вырыть нору, какую изъ травъ лучше всего пожевать когда заболитъ животъ, какъ во время удрать отъ носорога и нужно-ли бояться старыхъ страусовъ. Къ моменту обрастанія гривой и появленія на концѣ хвоста пучка шерсти, молодой левъ выглядываетъ районнымъ приватъ-доцентомъ—до чего ему извѣстны всѣ тайны правильного существованія.

Люди своихъ дѣтенышей учатъ и воспитываютъ по другой системѣ. Примѣнительно къ львиному воспитанію, программу воспитанія человѣческую можно опредѣлить приблизительно такими пунктами:

1) Изученіе языковъ древнихъ бронзововъ и религіи ихтиозавровъ.

2) Вычисленіе сколько можно положить лошадиныхъ головъ на протяженіи между млечнымъ путемъ и старой корягой на опушкѣ.

3) Можно-ли ѣсть гадюку съ хвоста и какъ ее поддерживать лапой, чтобы внушить уваженіе другимъ обѣдающимъ.

4) Заучиванье наизусть брехни старой антилопы, записанной пьянымъ барсукомъ въ одно изъ воскресеній.

Можетъ быть поэтому-то, когда подрастаетъ молодой львенокъ, онъ не возвращается домой иначе какъ хотя-бы съ молодой козой въ зубахъ, не говоря уже о вкусныхъ зайцахъ. Старые львы сочувственно помахиваютъ хвостами и умираютъ спокойно.

Когда-же вырастаетъ молодой человѣкъ, онъ съѣдаетъ порціи своихъ родителей, которые отзываются о немъ безъ помахиванья хвостами, а опредѣленно-грустно:

— Какой большой болванъ-то у насъ выросъ...

V.

Когда людямъ становится скверно, они устраиваютъ революцію. Революціей называется такое состояніе, когда всѣмъ скверно и всѣ ожидаютъ лучшаго, причемъ каждый понимаетъ это по своему.

Въ это время у всѣхъ появляется страшный зудъ къ висѣлицѣ. Одни строятъ ее сейчасъ-же и начинаютъ вѣшать внезапно. Другіе мечтаютъ о томъ, какъ они устроятъ висѣлицу впоследствии, а если находятся чудачки, которые начинаютъ увѣрять, что можно обойтись безъ висѣлицы—ихъ собираются повѣсить и тѣ и другіе. Ихъ положеніе самое скверное.

VI.

Будущность человѣка обѣщаетъ мало хорошаго. Извѣстный ученый Дарвинъ собственнымъ умомъ дошелъ до того, что обезьяна произошла отъ человѣка, но потомъ какъ-то разсердился на жену и рѣшилъ въ отместку ей перемѣнить всю теорію и сталъ увѣрять, что наоборотъ: человѣкъ—отъ обезьяны. Женѣ это было все равно, но люди послѣ этого возгордились и стали смотрѣть свысока на всѣхъ животныхъ. На самомъ-же дѣлѣ человѣкъ мало-по-малу, судя по его теперешней жизни, самъ начинаетъ приближаться къ смѣшанному типу животнаго. У него уже волчье сердце, свиной взглядъ на вещи, шакальи сноровка, и ослиное міропониманіе. Если же онъ еще ходитъ только на двухъ лапахъ, а не на четырехъ—это надо приписать только повсемѣстной дороговизнѣ обуви.

Арк. Буховъ.

РУЧНОЙ ХИЩНИКЪ.

Глаза какъ у тигра, который дремлетъ.
Гибкое тѣло въ истомѣ змѣится.
Вы—охотникъ въ какихъ то лучезарныхъ земляхъ
И ранили на солнцѣ изумрудную птицу.
Руки съ пальцами Рафаэлевой Форнарины —
Какъ стальныя держать за гриву льва.
Кто вы? Ангельскія или звѣриныя
У васъ на губахъ дрожатъ слова?

Лидія Лѣвная.

СОБАКА МАДАМЪ ХАЦКЕЛЕСЪ.

Каждый Божій день ко мнѣ звонитъ по телефону
Иванъ Кузьмичъ, кажется аптекарь, а можетъ быть при-
сяжный повѣренный, вѣрнѣе же всего коммерсантъ, съ
которымъ я познакомился случайно на улицѣ черезъ
Григорія Петровича, кажется бухгалтера, а можетъ
быть ветеринарнаго врача, вѣрнѣе-же всего агента по
страхованію жизни, съ которымъ я познакомился въ
Нарзанной галереѣ въ Кисловодскѣ черезъ Израила Аро-
новича, вѣрнѣе всего биржевого маклера, съ которымъ я
познакомился въ Эссентукахъ у бювета № 17 черезъ
мадамъ Хацкелесъ, кажется вдову, съ которой я познако-
мился въ вагонѣ междунаго общеста черезъ ея со-
баку Топсика, которая сама со мной познакомилась,
забѣжавъ въ мое купѣ и сдѣлавъ неприличіе.

Маленькія событія рождаютъ большія послѣдствія.
Иванъ Кузьмичъ трезвонитъ ко мнѣ каждый день.

— Ну, слушайте, что слышно новаго?

Онъ звонитъ ко мнѣ, какъ будто я Гавасъ, Стефани,
Рустель, ПТА и Бипъ вмѣстѣ взятыя.

Или, по крайней мѣрѣ, король репортеровъ вродѣ
пресловутаго Бловица, опубликовавшаго рѣшенія Берлин-
скаго конгресса раньше, чѣмъ эти рѣшенія были приняты.

— Да ничего новаго, Иванъ Кузьмичъ.

— А что въ Москвѣ?

— Да ничего въ Москвѣ, Иванъ Кузьмичъ. Въ Москвѣ
галки на крестахъ.

— А въ Пензѣ?

— Не знаю я ничего про Пензу.

— Слушайте, а про Сызрань вы не слышали?

— Нѣтъ, не слышалъ я про Сызрань.

— А что—Тифлисъ?

— Охъ, Иванъ Кузьмичъ, въ Тифлисъ шашлыки хо-
роши.

— Вы это какъ говорите, въ смыслѣ рѣзни, что-ли?
Большая рѣзня? Слушайте, ну а какія у васъ свѣдѣнія
про Валуйки? Про Ялту вы ничего не слышали? Что такое,
я не понимаю, происходитъ въ Новороссійскѣ? Какія у
васъ свѣдѣнія? А что съ Суассономъ и Нойономъ? Вы
мнѣ скажите, про Саксонію это правда? А что это прои-
зошло въ Инганьштадтѣ? Вы не имѣется никакихъ подроб-
ностей изъ Инганьштадта?

Выходятъ ли газеты, не выходятъ ли, выходятъ ли они
одинъ разъ въ день, или каждые два часа, мнѣ не легче.
Отсутствіе газетъ даетъ Ивану Кузьмичу такой же богатый
матеріалъ для вопросовъ, какъ и изобиліе газетъ. Раз-
ница только въ томъ, что въ газетопустные дни вопросы
Ивана Кузьмича носятъ болѣе обшій характеръ.

— Скажите, что слышно вообще? Какая конъюктура?
Вы не имѣете свѣдѣній о настроеніи рабочихъ? Скажите,
что нѣмцы думаютъ? А Ленинъ—какъ онъ вообще? Вотъ
еще интересно было бы знать, что Троцкій? Какъ онъ
вообще?

— Не знаю, Иванъ Кузьмичъ.

— А японцы? А что слышно, скажите, съ Мурманомъ?
И вообще будетъ что-нибудь, или ничего не будетъ?

— Я думаю, Иванъ Кузьмичъ, что что-нибудь будетъ.

— Ахъ, вотъ какъ! Вы думаете—будетъ? У васъ есть
какія-нибудь свѣдѣнія? Слушайте, можетъ быть у васъ
есть подробности о чехо-словакахъ? А о правыхъ эсъ-эрахъ?
Ну, а что говорятъ про кадетовъ?

Я вооружаюсь голубиной кротостью и змѣиной муд-
ростью и отвѣчаю:

— Да что-то говорятъ. Про всѣхъ говорятъ.

— Про всѣхъ говорятъ?—Вы получили свѣдѣнія? Изъ
вѣрнаго источника? Ну какія подробности?

Три дня Иванъ Кузьмичъ не звонилъ ко мнѣ. Боленъ
былъ, лежалъ въ постели. Это была моя „передышка“. Она
кончилась такъ же быстро, какъ и передышка, отпу-
щенная брестскимъ договоромъ Россіи.

Вчера опять звонилъ.

— Ну что Парижъ? Возьмутъ они его, или не возь-
мутъ? Какія у васъ свѣдѣнія? А англичане? Вы не имѣете
подробностей? Что думаютъ англичане?

Мною овладѣлъ вдругъ порывъ вдохновенія. Я плотно
прижалъ устье телефонной трубки къ губамъ и сказалъ
раздѣльно и ясно:

— Иванъ Кузьмичъ, вы идиотъ! Вы сволочь! Вы гнида!
Вы падалъ! Чтобъ вы сдохли, Иванъ Кузьмичъ, не дожи-
даясь завтрашняго дня.

И повѣсилъ трубку.

Рис. Казимира Грузина.

СУДЪ ЗВЪРЕЙ.

Сегодня онъ уже звонилъ, да еще чуть—свѣтъ. Не знаю какъ это по новому времени называется, а по старому это называлось—еще черти на кулачки не дрались.

— Ну что, прошло ваше дурное настроеніе? Это навѣрно отъ недоѣданія. Или отъ свеклы. Ну, скажите, что слышно насчетъ Бологого? У васъ еще нѣтъ никакихъ подробностей?

Когда собака мадамъ Хацкелесъ вѣзжала въ прошломъ году въ мое купѣ и сдѣлала неприличіе, я долженъ былъ, старый дуракъ, взять ее за заднія ноги и вышвырнуть на полотно. Тогда я не познакомился бы съ мадамъ Хацкелесъ, а черезъ нее съ Израилемъ Ароновичемъ, а черезъ него съ Григоріемъ Петровичемъ, а черезъ него съ Иваномъ Кузьмичемъ.

Попадись мнѣ теперь собака мадамъ Хацкелесъ...

Влад. Азовъ.

ОТСТАВШІЙ ВЗВОДЪ.

Въ лѣсу сіялъ зеленый рай,
Сіялъ закатъ—восходъ;
Въ лѣсу, дорогу потерявъ,
Бродилъ отставшій взводъ.

День посылалъ ему тоску,
Зной, голодъ и—привѣтъ...
А ночь—холдную росу,
Видѣнья, сонъ и бредъ.

Сверкала ночь алмазной тьмой,
Трещалъ сырой костеръ;
Случалось,—въ небѣ пролеталъ
Огнистый метеоръ,—

Какъ путеводная звѣзда
Въ таинственную даль,—
Черта на жадномъ сердцѣ слѣдъ,
Баюкала печаль;

Блистали, въ воздухѣ ночномъ
Ночные мотыльки,
И изумрудный транспарантъ
Чертили свѣтляки;

А въ берегахъ лѣсныхъ озеръ,
Въ туманѣ спящихъ водъ,
Сіялъ дѣвичьихъ нѣжныхъ лицъ
Воздушный хороводъ

И гномъ, бубенчикомъ звеня,
Играя колпакомъ,
Скакалъ, на бѣлкѣ, вокругъ сосны,
Какъ на конѣ, верхомъ,

И гулко филинъ отвѣчалъ
Докладамъ тайныхъ слугъ:
„Я здѣсь людей не примѣчалъ...
„Теперь ихъ вижу... Хугъ!

Ихъ было десять человекъ,
Усталыхъ и больныхъ;
Куда идти, и,—какъ идти,—
Никто не зналъ изъ нихъ;

И, вотъ, когда они брели
Въ слезахъ послѣднихъ силъ,—
Ихъ подобралъ лѣсной разъѣздъ,
Одѣлъ и накормилъ;

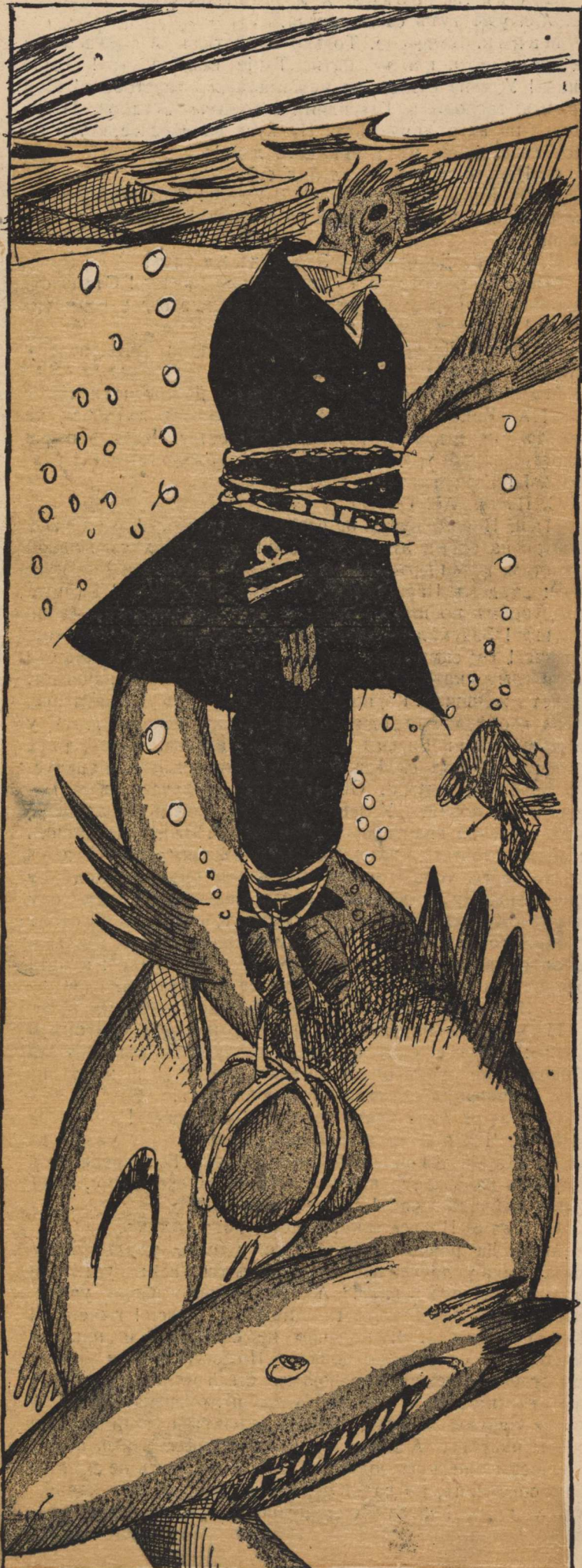
Но долго слышали они,
До смерти,—какъ во снѣ,—
Прекрасный зовъ лѣсныхъ озеръ
И гнома на соснѣ...

А. С. Гринъ.

Въ одномъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ, убитыхъ морскихъ офицеровъ бросали въ воду съ камнями, привязанными къ ногамъ. Трупы плавали и стояли въ водѣ, напоминая живыхъ людей.

Изъ газетъ.

Рис. В. Антоновскаго.

ВѢРНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ.

Анула. Господа! Сознаться—кто былъ на берегу, когда ихъ убивали: наша работка-то видна...

М А Н И К Ю Р Ш А.

Фельетонъ Лэффи.

Софья Петровна. А, мадамъ Парасковья! Наконецъ то. А я уже тутъ сама начала.

Маник. Напрасно. Только напортили. А я ужъ даже не знала идти, или не идти. Такіе вездѣ ужасы! Такіе ужасы! У меня буквально каждый нервъ разстроены! Мой жилецъ, господинъ Гаврилинъ говоритъ: „мадамъ Парасковья на васъ лица нѣтъ! Ну куда вы пойдете, когда на васъ совершенно нѣтъ никакого лица!“

С. Петр. А что-же случилось?

Ман. Какъ—что случилось?! Ужасъ! Страшный ужасъ. Вы слышали, что въ Самарѣ-то дѣлается? Соціализировали женщинъ!

С. Петр. Да что вы? Это какъ-же такъ?

Ман. Вы подумайте только—какая низость! Отъ шестнадцати до тридцати двухъ лѣтъ. Вѣдь это же возмутительно! Это такъ меня взбѣсило!

С. Петр. Да вы успокойтесь, вотъ вы мнѣ палецъ разрѣзали.

Ман. Нѣтъ я не могу успокоиться! До тридцати двухъ лѣтъ! А? Каково? Точно женщина въ сорокъ лѣтъ уже не можетъ оказать пользу своему отечеству. Вѣдь это же низость, подобное отношеніе! Вотъ, вамъ хваленное равноправіе! Вотъ вамъ...

С. Петр. Ай! Опять!

Ман. Ничего пустяки. Даже незамѣтно. Ахъ, я такъ разстроена всѣми этими ужасами! Сегодня дѣлаю одной артисткѣ маникюръ, задумалась о политикѣ а она кричитъ: „мадамъ Парасковья! Мадамъ Парасковья! Вы мнѣ полисуаромъ по щекѣ мажете!“ Представьте себѣ—вѣдь и правда! Задумалась да по щекѣ и кручу. А она еще сердится! Ну сами посудите до того-ли мнѣ? А знаете что я вамъ скажу. У насъ тоже это соціализація началась. Насчетъ женщинъ. Корни еще не пустила, но уже началась. Вчера я обѣдала въ одномъ аристократическомъ домѣ, у нихъ знаете въ Вильнѣ была своя аптека. Ну-съ, такъ вотъ, за обѣдомъ сидѣлъ со мной одинъ брюнетъ, и знаете-ли, довольно жгучій. Онъ тоже такой аристократъ, манеры и все прочее. „У меня, говоритъ, мадамъ Парасковья, была чудесная квартира, только ее уже давно подъ какихъ то анархистовъ ассенизировали“. Ну-съ такъ вотъ обѣдаемъ мы, то да се, только чувствую я, что онъ мнѣ колѣнку обнимаетъ. Ну я конечно сочла неловкимъ дѣлать ему за обѣдомъ замѣчаніе, а ужъ потомъ, когда изъ за стола встали, отозвала его въ сторону и говорю строго: „зачѣмъ вы за обѣдомъ позволили себѣ и такъ далѣе“: а онъ говоритъ: а когда же тогда если не за обѣдомъ?

С. Петр. Какой ужасъ! Какой ужасъ!

Ман. Ну я натурально приняла на себя бонтонъ и говорю: „на все свое время, а оскорблять женщину за обѣдомъ не принято“. А онъ говоритъ: „а я ждать не могу, я говорю—немедленный социалистъ!“

С. Петр. Ахъ, какой ужасъ! Какой ужасъ!

Ман. Что это вы милая моя, зарядили—все ужасъ да ужасъ! Какой такой особенный ужасъ? Если передовой человекъ развиваетъ передъ вами свою программу, такъ у васъ сейчасъ ужасъ! Всполосните руку.

С. Петр. Но все таки, знаете, какъ то такъ...

Ман. Да ровно никакъ. Все у насъ ужасы. Вотъ когда стали уплотненіе вводить, такъ тоже всѣ закудахтали „ахъ ужасъ! охъ ужасъ!“ А теперь какъ пошли уплотняться, такъ даже тамъ гдѣ не надо. Нечего! Нечего! И сами радехоньки. Я конечно не сплетница и никогда ничего себѣ сказать не позволю. Но посудите сами—развѣ при старомъ режимѣ позволилъ бы Трубкинъ, чтобы у нихъ въ квартирѣ два бывшихъ прапорщика жили? А теперь живутъ. Я сама видѣла. Сидятъ и свои бывшіе шпоры чистятъ. А мадамъ Трубкина кофеемъ ихъ поить и розовый бантъ въ головѣ. А мужъ и пикнуть не смѣетъ. Я не сплетница, но развѣ мадамъ Галкина не радехонька, что у нихъ Мишель приплотнился. „Лучше, говоритъ, своего знакомаго, чѣмъ неизвѣстно кого“. Еще бы не лучше!

С. П. Неужели Мишель у нихъ? Ахъ, голубчикъ, какъ это интересно! Расскажите еще!

Ман. Предупреждаю васъ, что я не сплетница и ничего лишняго вы отъ меня не услышите. Но вы знаете этотъ Мишель уплотнился до такого нахальства, что даже самому

Галкину еле руку подаетъ. И какъ вечеръ, такъ онъ съ Галкиной въ кабарѣ. То въ „Тройка музъ“, то въ „Десятую пику.“ А самъ Галкинъ дома сидитъ и продуктовые карточки сторожить.

С. П. Какой ужасъ! Какой ужасъ!

Ман. То есть позвольте—въ чемъ же ужасъ то? Что-же по вашему—домъ пустой оставлять? По нынѣшнимъ временамъ это очень опасно.

С. П. Положимъ и на улицахъ грабятъ.

Ман. Теперь, знаете, когда вечеромъ возвращаешься, нужно все въ ротъ брать.

С. П. Что же брать то?

Ман. Да все. Все съ себя снять да въ ротъ. Часы, значить, кольца, серги. Недавно мужъ мадамъ Булкиной возвращался изъ театра, темно, страшно, онъ и положилъ часы съ ротъ. И какъ разъ—„стой! руки вверхъ!“ Грабители! Онъ руки поднялъ а часы во рту тикъ-такъ, тикъ-такъ тикъ-такъ. Ну воры обшарили его да и кричатъ своимъ: „ничего при немъ не нашли, кромѣ, сильнаго сердцебіенія.“ Такъ и спасся. Только говоритъ, отъ страха чуть часы не проглотилъ. Другой разъ, говоритъ, нужно будетъ цѣпочку черезъ носъ выпустить и на концѣ гирьку привязать, чтобъ оттягивала. Ну-съ готовы ваши ногти.

С. П. Мерси мадамъ Парасковья.

Ман. Я конечно не изъ тѣхъ, которые больше трещать чѣмъ работаютъ. Я молчу но зато дѣло у меня горитъ. До свиданья.

С. П. Чертъ! Вотъ обкарнала. Господа! Да что это? Какъ будто одного пальца досчитаться не могу?

Тэффи.

С Л О В А О К Р О В И

К Р О В Я Н И Ц А

Заболѣла земля кровяницею
Нѣтъ болѣзни страшнѣй,—
Смерть ярой желѣзною птицею
Кружить надъ ней.
Кресты при дорогахъ и смяты посѣвы...
Нѣтъ ни виновныхъ, ни судей,
Три года неиствуютъ зѣвы
Орудій.
Три года у тяжкихъ машинъ разрушенія
Гудитъ броня
И пожирая селенія
Ходятъ столпы огня
Безпощаднѣй чумы и проказы,
Пули, штыки,
Бомбы и газы,
Жнетъ война за полками полки.
„Побѣда! Побѣда! Побѣда!“
Народы сошли съ ума,
Все мерзѣе безчинства ихъ бреда
Все мощнѣе могильная тьма
И есть ли силы такія,
Чтобъ смирить ихъ и разумъ вернуть.
Первой погибла Россія,
Горе и жуть.

Лихіе дни, проклятье вамъ
Россія, скорбенъ жребій твой...
По деревнямъ и городамъ
Не мчится-ль всадникъ грозовой.
Его тяжелый красенъ конь,
А онъ ликуетъ, крови радъ.
За нимъ огонь

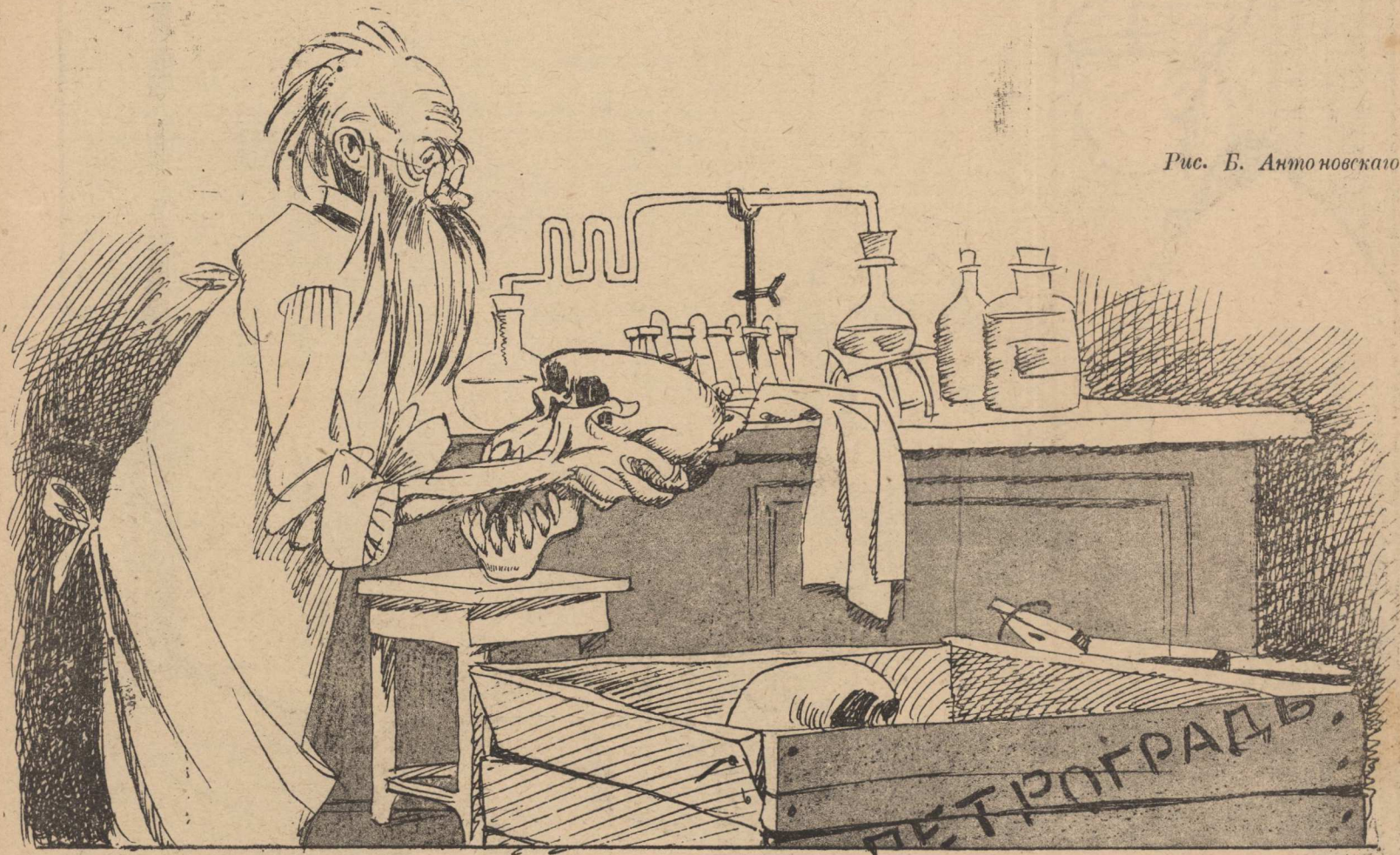

Рис. Б. Антоновскаго

Зоологъ. — Удивительный черепъ прислали для изслѣдованія... Настоящія ослинныя челюсти, а черепная коробка приспособлена для волчьяго мозга...

За нимъ набатъ.
Взмахъ словно каменныхъ копытъ,
Неодолимъ, неотвратимъ
Кто повстрѣчался, тотъ лежитъ
Навѣки нѣмъ и недвижимъ.
Куда же всадникъ держитъ путь—
Туда гдѣ въ небѣ вѣщій знакъ,
Гдѣ не свернуть
Ему никакъ.
Немного дней ему дано—
Поживой вороновъ и псовъ,
Ему погибнуть суждено
Подъ знакомъ судящихъ „вѣсовъ“.

Кто-бъ удивился теперь,
Если-бъ изъ морской пучины
Вышелъ семиглавый звѣрь
И во весь свой голосъ звѣриный
Взревѣлъ бы, Христа хуля,
И звѣзды бы съ неба попадали,
Стала подобна земля
Гнѣющей, зловонной падали.
Не доплеснулась до солнца кровь
Но горе вамъ, люди!
Не зажечь его вновь,
Когда это будетъ.
Скоро станеть невмочь
Вѣрить въ спасенье, даже какъ въ чудо
Затежелѣеть ночь
Отъ вашего блуда.
Въ мукахъ зловѣщихъ родовъ,
Вспучившихъ черное брюхо,
Изъявленное зарью костровъ-городовъ,
Застонеть глухо.

Этотъ безсилемъ придушенный стонъ
Будеть длится и длится
„Паль, паль Вавилонъ!“
И ужасъ родится.
Не зная гдѣ другъ и гдѣ врагъ,
Не зная не мѣста ни часа
Ползая, смраденъ и нагъ,
Въ мѣсивѣ пепла и мяса
Смерть позоветъ: человѣкъ.
Среди лѣсовъ опаленныхъ,
Помутившихся, горькихъ рѣкъ,
Межъ крестовъ, въ поляхъ оголенныхъ,
Отъ пресыщенья пьяна,
Гдѣ заблудилась—она?

Александръ Рославлевъ.

БУКА - НЕВѢЖА.

Сказка А. С. Трина.

I.

Что мы знаемъ? На что опереться можемъ? Все темно въ сей мрачной юдоли. Нѣтъ ничего достовѣрнаго, какъ нѣтъ и ничего абсолютнаго.

Два Фантома встрѣтились, однажды, въ лѣсу. Одинъ спросилъ:

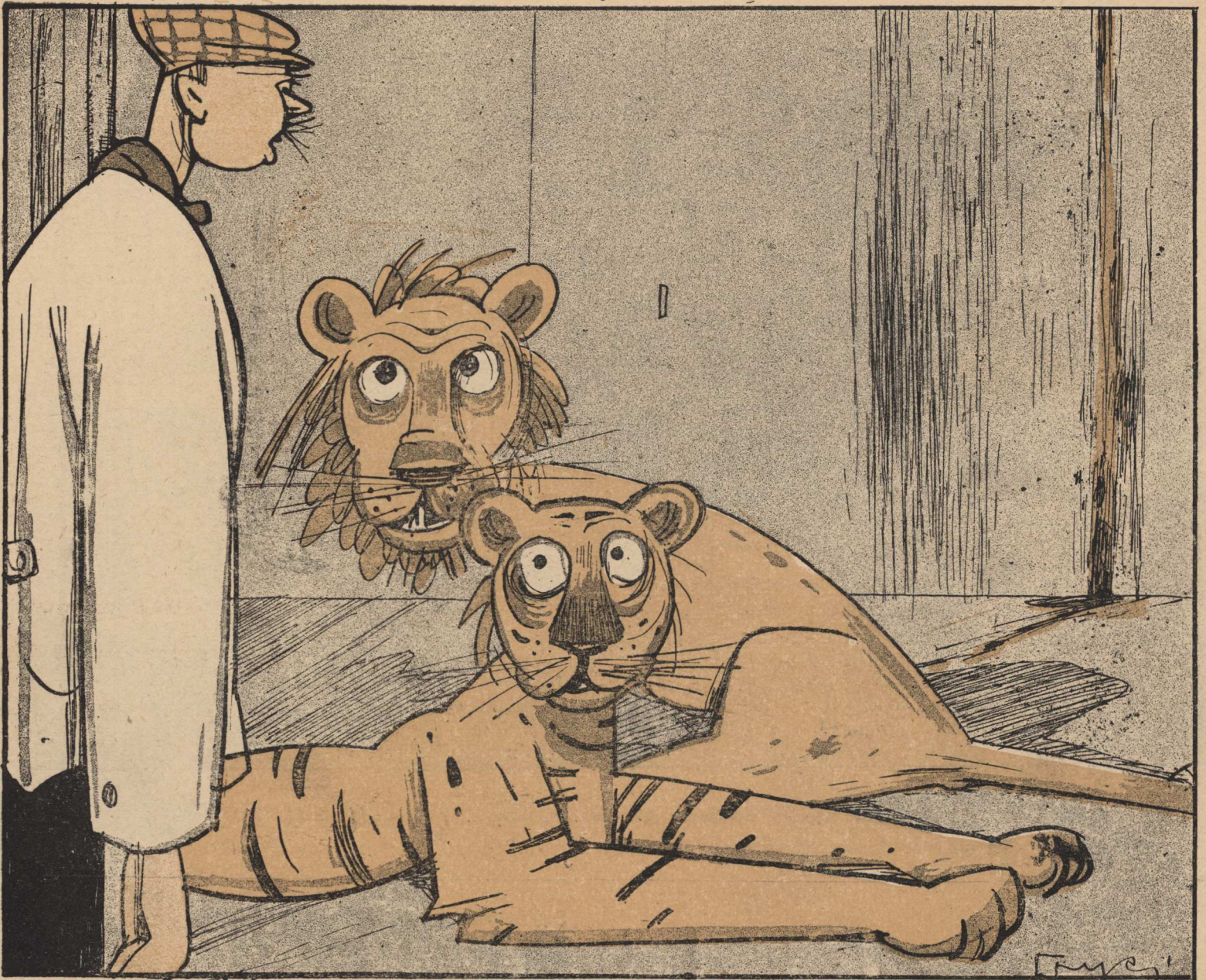
— Чѣмъ подкармливаешься?

— Оладьями изъ реальности. А, ты, отецъ?

— А я—такими, какъ ты, жрущими эти оладьюшки. И сгрызъ перваго.

Послѣдній былъ, конечно, подлець.

Ну-съ... Въ городѣ Вельбулды, отъ нечего дѣлать, горожане рѣшили собрать въ одно помѣщеніе всѣхъ краси-

Укротитель. Дверь открыта, можете убѣгать на волю...

Тигръ. На волю? Къ людямъ? Нашель дураковъ... Если-бы ихъ въ клѣтку посадить—тогда другое дѣло—а такъ мы ужъ лучше здѣсь останемся...

выхъ женщинъ и выдать секретную премію той изъ нихъ, которая будетъ признана всѣми наикрасивѣйшей.

Тридцать дней разглядывали красавицы свою кожу на рукахъ, плечахъ, лицѣ и шеѣ; убѣдившись, что цвѣтъ кожи—остолбняющей, что граціозность движеній способна превратить воздухъ въ хрусталь; что волшебство женственности заключило крѣпкій союзъ съ парфюмеріей и кокетствомъ, и отъ союза этого угрожаетъ опасность самому Купидону, красавицы отправились на балъ.

Были, на нихъ,—шелкъ, бархатъ, газъ, цвѣты и улыбки.

Принарядившись, поѣхала съ ними Бука-Невѣжа.

Это была хромая бабенка, уродливая, какъ гнилая картофелина. Какъ она пронюхала секретъ, сказать не беремъ. Секретъ такой: отцы города Вельбулды рѣшили дать ему правленіе женское; та, которая получитъ призъ, будетъ, съ помощью красоты своей, править Вельбулды и его окрестностями.

Бука-Невѣжа, забѣжавъ къ каждому изъ членовъ жюри съ чернаго хода, говорила имъ такъ:

— Братцы, присудите мнѣ премію.

— Что ты, Бука-Невѣжа, ступай полы мыть, да въ зеркало посмотри, а вотъ и соль отъ обморока, если, посмотрѣвъ, грянешься.

— Вы, мужчинки злые, только мою скорлупу видите. А я, братцы, красива, какъ лилія или роза.

— Ой!

— Мнѣ,—будьте вы прокляты!—таинственной силой рыло испортило, а есть на то заклятіе: какъ признаютъ меня самой красивой, моя красота и объявится, само солнце чихнетъ!

Такъ, вездѣ, Бука-Невѣжа слюнявила, шептала и бо-

жилась и, — не беремъ объяснить, какъ, — но убѣдила безмозглое жюри. Оно ей повѣрило. Установилось тайное соглашеніе: Бука-Невѣжа присудитъ премію.

Открылся балъ; гремѣлъ оркестръ; жюри возсѣдало; красавицы, какъ звѣзды, сіяли въ туманѣ отуманенныхъ зрителей, а отъ Буки-Невѣжи всѣ сторонились, и она плясала со стуломъ.

Жюри повылѣзало съ мѣстъ, обнюхало, для приличія, всѣхъ женщинъ, прищурилась, поломалась и объявило:—самая красивая—Бука-Невѣжа! Владѣть, ей, Вельбулды и его окрестностями! Прозитъ!

Всѣ упали въ обморокъ. Жюри спокойно ожидало волшебнаго превращенія. Однако, не произошло ничего существеннаго: Бука осталась Букой, а Невѣжа—Невѣжей.

II.

Первый указъ Буки-Невѣжи былъ такой: разбить въ городѣ всѣ зеркала, а если у кого такое зеркало окажется спрятаннымъ,—тому раскрашивать физиономію турецкимъ разводомъ, а волосы брить.

Однажды Бука-Невѣжа ѣхала черезъ мостъ, окруженную литаврщиками и барабанщиками.

Вдругъ лошади захрапѣли, свалились, стали биться и пѣна потекла изъ ихъ ртовъ.

— Что это съ ними?—удивилась Бука-Невѣжа.

Всѣ молчали.

— Говорите, подлецы, кто знаетъ?

— Я,—сказалъ древній старикъ.—Мнѣ жизни жалѣть нечего, пожилъ я, слава Богу, со вкусомъ и долго жилъ. Лошади, Бука-Невѣжа, твоего изображенія въ водѣ испугались.

— Ахъ, такъ!— сказала разъяренная фурия. Старца мигомъ утопили, а лошадей отправили въ живодерню.

Послѣдовалъ новый указъ:

„Непрестанно нарушать спокойное теченіе тихихъ водъ, ежели оно сопряжено съ рискомъ отразиться въ нихъ бывшей „Бука-Невѣжъ“, а теперь именуемой: „Большей красоты... гдѣ-же?“ Воду слѣдуетъ мутить и колотить палками, при проѣздѣ высокой сей особы, и мутить еще, отрубями, либо капоріемъ“.

Все шло прекрасно. Многіе, уже, ходили съ турецкими разводами на носу и съ голыми черепами, какъ вдругъ, случилось нѣчто особенное. Кучка пьяныхъ матросовъ, встрѣтивъ Буку-Невѣжу, сложила ладони трубками и задирательно стала, въ тѣ трубки, пѣть:

Безобразна, непристойна,
Въ мутной, мѣсяца, игрѣ,
Ты, Невѣжа, недостойна
Жрать и спать на серебрѣ.
Лучше-бъ, лопнула ты, право,
Чѣмъ ходить, задравши носъ,
И—налѣво и направо
Всѣ глаза, дразнить до слезъ!

— Пукъ!—прибавилъ еще старшій матросъ.

— Я!.. я!.. я!..—закричала Бука-Невѣжа, но отъ злости, не могла продолжать.—Повѣсьте ихъ,—сказала она наконецъ, своей камарильѣ,—а завтра пусть всѣ, въ Вельбулды, выколютъ себѣ глаза. Лопни мои глаза, если я не научу всѣхъ признавать, какая я красивенькая.

Такъ и случилось. Ея глаза лопнули тутъ-же, и изъ нихъ выпали старые, подержанные бинты, негодные даже и для звѣрей.

Вамъ—сказка, а мнѣ... хо-хо-хо! хо-хо-хо!—Хи-хи!.. Хо-хо-хо!.. баранокъ, вязка... Большая!

А. С. Гринъ.

* * *

Да, я знаю, я вамъ не пара,
Я пришелъ изъ иной страны,
И мнѣ нравится не гитара,
А дикарскій напѣвъ зурны.
Не по заламъ и по салонамъ
Темнымъ платьямъ и пиджакамъ,
Я читаю стихи драконамъ,
Водопадамъ и облакамъ.
Я люблю, какъ арабъ въ пустынь
Припадаетъ къ водѣ и пьетъ,
А не рыцаремъ на картинѣ,
Что на звѣзды смотреть и ждетъ.
И умру я не на постели
При нотариусѣ и врачѣ,
А въ какой нибудь страшной щели,
Утонувшей въ густомъ плющѣ,
—Чтобъ войти не во всѣмъ открытый
Протестантскій, прибранный рай,
А туда, гдѣ разбойникъ, мытарь
И блудница крикнуть:—„вставай!“

Н. Гумилевъ.

ЕЩЕ О ЖИВОТНЫХЪ.

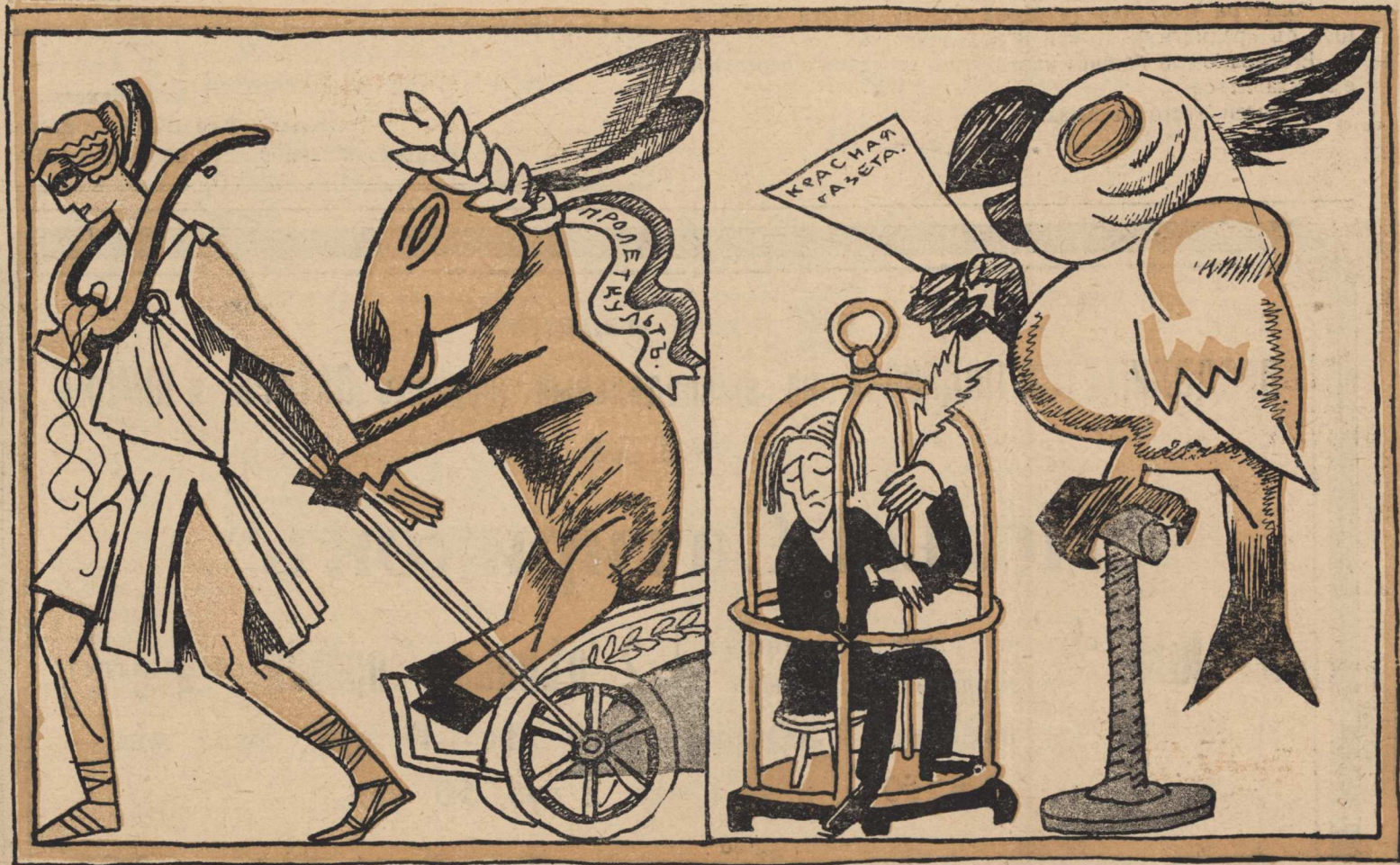
Одному зайцу стали вбивать въ спину большой ржавый гвоздь. Онъ долго терпѣлъ, кряхтѣлъ и вертѣлся, пока наконецъ ему не удалось вырваться и скрыться въ сосѣднемъ лѣсу.

Умирая подъ деревомъ, онъ сказалъ:

— Здорово больно, за то какой гвоздь... Навѣрное не дешевле гривенника за штуку, да и то при покупкѣ оптомъ...

А У НАСЪ НАОБОРОТЪ.

Рис. А. Радикова.

Аполлонъ въ упряжи—четвероногий въ экипажѣ.

Писатель въ клѣткѣ—попугай на свободѣ.

Вся соль этой исторіи въ томъ, что это былъ не заяць, осель. Кромъ осла никто такъ не будетъ разсуждать.

* * *

Курица—птица и въ мирное время даже дешевле тетерева, а гораздо полезнѣе льва.

Однажды объ этомъ разговорились двѣ выдры.

— Какой-же собственно въ лѣвъ толкъ?—сказала одна изъ выдръ,—задрать онъ кого, угодно можетъ, а даже такую работу сдѣлать—какъ яйцо снести и то не въ состояніи.

Выдра была права. Гораздо легче поджечь цѣлую деревню, чѣмъ склеить спичечную коробку.

* * *

Кролики не отличаются долготѣіемъ. Одинъ кроликъ вздумалъ отличиться этимъ—такъ его повѣсили.

* * *

Тигры не ѣдятъ бутербродовъ съ сыромъ, за то для нихъ каждый человѣкъ—бутербродъ.

Особенно пріятно въ тиграхъ то, что сожравъ живое существо, тигръ можетъ икать, чувствовать изжогу, жаловаться на плохое пищевареніе, но никогда не будетъ раскаиваться въ томъ, что съѣлъ молодую жизнерадостную негритянку, а не вагонное колесо.

У людей это замѣчается чаще.

* * *

Жили были два человѣка.

Одинъ писалъ исторію войнъ—о томъ какъ люди убивали другъ друга, купались въ крови и сатанѣли.

Его назвали историкомъ.

Другой писалъ о томъ какъ мирно живутъ лоси, какъ они бѣгаютъ по лѣсамъ, плодятся, кормятъ дѣтенышей и молятся своему лосиному богу.

Его назвали зоологомъ.

Вотъ тебѣ и людская справедливость.

* * *

Среди амбарныхъ крысъ очень большимъ успѣхомъ пользовались-бы хлѣбныя карточки.

Крысы съ одинаковымъ аппетитомъ ѣдятъ и муку и бумагу.

* * *

Одна три тому назадъ одинъ бизонъ занялся спекуляціей съ предметами первой необходимости.

Его знакомые бизоны назвали его скотиной и перестали ему кланяться.

У людей этого не бываетъ.

* * *

Соловья легко отличить отъ свиньи, даже съ закрытыми глазами. Если кто-нибудь хорошо поетъ—значитъ соловей, а если кто-нибудь стоитъ рядомъ съ нимъ и приказываетъ ему вмѣсто пѣнья заняться колкой дровъ—значитъ это и есть свинья.

* * *

Одна собака всегда лучше шести человѣкъ.

Собака почти всегда—добродушное существо, а изъ шести человѣкъ пять всегда окажутся мерзавцами.

Арв Вуховъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“

А. Петроградъ.

Здѣсь. Сверчку. Намъ кажется—мы вѣдь тоже можемъ ошибаться, что ваши стихи немного неудачны. Особенно вотъ эта строфа:

Она была прекрасный ангелъ
И приходила часто къ намъ
Я отношенія наладилъ
И часто пѣлъ:—тири-тамъ-тамъ.

Больше читайте классиковъ, знакомьтесь съ лучшими образцами мировой литературы, а въ свободное время сумѣйте подумать о томъ какъ хорошо было-бы совсѣмъ не писать стиховъ.

Чиксу, Сашъ П-ну Винни. Заходите какъ-нибудь въ редакцію, вызовите секретаря и подробно расскажите ему какъ вы ухитряетесь такъ скверно писать. Редакція заранѣе приноситъ благодарность.

Б. Провинція.

Рыбинскъ.—Гному. У васъ въ разсказѣ странно построена семейная жизнь.

„Капидуновъ былъ настоящимъ мужемъ Вѣрочки, Рыбинъ почти мужемъ, Ваничка такъ себѣ, а Шурикъ...“

Гномъ,—мужъ не продовольствіе. Его на четыре категоріи раздѣлить нельзя, даже въ минуты полного отсутствія семенного учета.

Вологда.—Сержу. Сержъ докладываетъ намъ: „между прочимъ довольно недурно пишу такъ наз. порнографическіе разсказы.—Хотите—пришлю“.

Вы напрасно думаете, Сержъ, что можно хвалиться писаньемъ такъ наз. порнографическихъ разсказовъ, такъ наз. дѣтубійствомъ, или такъ наз. карманной кражей. Объ этомъ стыдливо молчать. Если же и вырвется случайно, не слѣдуетъ думать, что присылка фактического документа, въ видѣ трупа семилѣтняго мальчишки, или пустого кошелька вознесетъ васъ въ глазахъ мѣстнаго общества на недостижимую высоту.

Нижній Новгородъ.—Н. П. И. Съ удовольствіемъ прочли присланные вами анекдоты. Они живо напомнили намъ о прекрасныхъ временахъ конца XVIII столѣтія, когда эти анекдоты блистали своей чарующей свѣжестью и новизной. Съдую бороду одного изъ нихъ посылаемъ вамъ обратно.

Арв. В.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арв. Вуховъ..

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно).
журнала въ краскахъ.

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—
7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88 Тел. 59-07.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Гдѣ наше не пропало: издательство „Новый Сатириконъ“ рѣшило сдѣлать своимъ читателямъ подарокъ матеріальнаго свойства.

А именно: при покупкѣ каждаго номера читатель кладетъ себѣ въ карманъ 1 р. 75 коп. чистоганчикомъ!

Какъ же это такъ?—спроситъ пріятно изумленный читатель.

Да такъ. Вы помните время, когда вечерняя газета стоила ДВѢ КОП.? Въ это время нашъ журналъ стоилъ ПЯТНАДЦАТЬ КОП., т. е. въ 7½ разъ дороже. Теперь вечерняя газета стоитъ 40 коп. . . .

— Значитъ,—догадается читатель,—и журналъ вашъ долженъ повыситься въ 20 разъ?! Значитъ, цѣна ему 3 рубля?!

Вотъ въ томъ-то и дѣло, миленькіе, что нашъ журналъ съ этого номера стоитъ у газетчиковъ всего 1 р. 25 коп., т. е. покупатель „Сатирикона“ наживаетъ на каждомъ номерѣ 1 р. 75 коп., т. е. около полутораста %/о!!!

Покупатель, впрочемъ, наживалъ бы еще больше, но за послѣдній мѣсяцъ типографская работа и бумага достигли такихъ бѣшенныхъ цѣнъ, что эти бѣшенныя укусы въ иѣкоторой мѣрѣ отражаются и на читателѣ.

До лучшихъ дней, amico!

Издательство.

Для удобства **московскихъ** покупателей и газетчиковъ контора журнала „Новый Сатириконъ“ открываетъ 15 Юля с. г. въ Москвѣ свое отдѣленіе.

Временный адресъ: Б. Садовая 13, кв. 16. ☎ Телефоны: 3-51-68 и 4-53-29.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 5-ти руб. за пересылку не платятъ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

Синее съ золотомъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Подходцевъ и двое другихъ

Цѣна 3 руб. 50 коп.

О хорошихъ въ сущности людяхъ

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

О маленькихъ для большихъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Чудеса въ рѣшѣтѣ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тэффи.

Неживой звѣрь.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Карусель.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Аркадій Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тихія непріятности.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Жуки на булавкахъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Разговоръ съ сосѣдомъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

НОВОСТЬ.

Поступили на книжный складъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

НОВОСТЬ.

Въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ

Слѣдующія изданія:

Маркъ Твенъ. Полное собраніе на прекрасной плотной бумагѣ; въ изящныхъ красочныхъ переплетахъ—12 томовъ. Цѣна 40 р. — к.

Отдѣльные законченные томы по 3 » 50 »

Изящныя изданія въ красочныхъ переплетахъ:

Азовъ, Влад. „Цвѣтныя стекла“ . . . 3 » — »

В. М. Дорошевичъ. „На смѣхъ“ . . . 3 » — »

Озаровская. „Мой репертуаръ (сборн. монологовъ для сцены) 3 » 50 »

О. П. Д'Орь. „Рыбы пляски“ 3 » — »

О. П. Д'Орь. „О сѣренскихъ людяхъ“. . 3 » — »

Роскошныя изданія для подарковъ:

Экспедиція въ западн. Европу—Арк. Аверченко—иллюстриров. альбомъ больш. форматъ, въ переплетѣ 8 » — »

Всеобщая исторія, въ переплетѣ, иллюстр. (больш. форматъ) 6 р. — к.

Галерея градоначальниковъ города Глухова. 6 » — »

Комплекты журн. „Сатириконъ“ за 1909, 1910 и 1911 г.г. (библиографическая рѣдкость). Въ перепл. за 1 годъ. 25 » — »

Безъ перепл. „ „ 20 » — »

На веленовой бум. въ перепл. 40 » — »

Юрій Бѣляевъ. „Красный кабачокъ“. . 2 » — »

О. П. Д'Орь. „Русская Исторія“ иллюстр. 2 » 50 »

Юмористическія рассказы Л. Андреева и А. Куприна, 2 тома 3 » — »

Сокровища искусства—большой альбомъ пародій на знаменит. произв. иск. 5 » — »

Монографія объ иностр. каррикатурѣ—А. Радакова 3 » — »

Высылка книгъ производится по полученіи стоимости заказа

Книжнымъ магазинамъ—скидка обычная.

1040 T.
H. Art 30 eim 30

Рис. К. Грыца.

П А В Е Н С Т В О .

~~сх 1926~~